

RICHARD MORGAN

THE COLD
COMMANDS

РИЧАРД МОРГАН

ХЛАДНЫЕ ЛЕГИОНЫ

*Перевод с английского:
Наталья Осояну*

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М79

Richard Morgan
THE COLD COMMANDS

First published by Gollancz,
an imprint of The Orion Publishing Group Ltd, London

Печатается с разрешения издательства Orion
при содействии литературного агентства Синописис

Перевод с английского: *Наталия Осояну*

Cover illustration by Jon Sullivan

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2011 by Richard Morgan
Cover illustration: © Jon Sullivan
© Наталия Осояну, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

«Хладные легионы» посвящаются V.,
благодаря которой мне есть за что держаться

Говорю тебе: они там, в городе, не в игры играют.
*Дж. Р. Р. Толкин. Две башни*¹

¹ Пер.: А. Грузберг, А. Застырец.

Глава первая

Добравшись до опушки леса за Хинерионом, Джерин увидел, как впереди дрожит воздух над поросшей кустарником равниной, и понял, что настал переломный момент.

Это их последний шанс: жизнь или смерть.

— Мы там изжаримся,— сказал он остальным тем вечером, когда они сидели в цепях и ждали кормежки.— Слыхали, о чем болтают надсмотрщики? До Ихельтета по меньшей мере шесть недель, и все на юг, с каждым шагом жарче. Думаете, ублюдки будут давать нам больше воды или еды, чем уже дают?

— Конечно, будут, идиот,— Тигет, бледнокожий грузный горожанин — явно слишком, мать его, ленивый, чтобы желать свободы любой ценой, фыркнул и шумно высморкался. Как и половина бедолаг, скованных цепью, он простудился. Тигет растер соплю на земле и сердито зыркнул на Джерина.— Ты что, не соображаешь? Нас хотят продать в Ихельтете. Как у них это получится, если мы не доживем, изголодаем и превратимся в скелеты, пока прибудем туда? Может, ты слишком молод или туп, чтобы такое понять, чмо болотное, но это торговля. Умерев, мы не принесем ни гроша.

«Чмо болотное».

В некоторых районах Трелейна этого оскорбления было достаточно, чтобы мгновенно получить формальный вызов на дуэль следующим утром на поле у холма Бриллин. В других местах за такое просто тыкали ножом под ребро и швыряли в ближайшую реку. Как и в остальных гранях городской жизни, предполагать можно одно и то же обо всех, но богатство и статус определяли последствия. Поэтому выше или ниже по течению, в Луговинах или портовых трущобах, истина была такова: ни один житель Трелейна не допустит болтовни о том, что в его жилах течет кровь болотных обитателей.

Джерин вырос на болотах и не поселился бы в городе ни за какие деньги. Он пропустил оскорбление мимо ушей, как делали сородичи с тех самых дней, как он себя помнил.

«Сейчас слишком многое стоит на кону».

— Ты когда-нибудь видел, как рыболовецкие суда заходят в гавань, Тигет? — спросил он ровным голосом. — По-твоему, все до единой рыбы в их сетях попадают на рынок?

За спиной Джерина раздраженно зазвенела цепь. Жесткий сердитый голос в сгущающейся тьме спросил:

— При чем тут рыба?

Еще один горожанин, чьего имени Джерин не помнил, и который, в отличие от Тигета, выглядел исхудалым трудягой. За весь недельный марш он сказал от силы пару слов; на привалах проводил время, уставившись в пространство и двигая сжатыми челюстями, будто у него между зубами застряли последние волокна табака.

Как и большинство собратьев по несчастью, он, похоже, не осознал чудовищность того, что с ним сделали.

— Он несет какую-то хрень,— глумливо отозвался Тигет.— А разве может быть иначе? Я хочу сказать, гляньте на него: болотный недоносок, совсем как те, что на рынке Стров гадают или показывают фокусы, потешая толпу. Читать-писать не умеет и считать наверняка может только до пяти. Он понятия не имеет, что на самом деле волнует торговцев.

Джерин мрачно улыбнулся.

— Ну, поскольку тебя и всех остальных, скованных цепью, продали за долги, я думаю, в этом смысле мы похожи.

Тигет выругался и бросился на него. Звякнула цепь, коротко и слабо, и тут же раздался протестующий хор: движение помешало остальным отдыхать. Тощий ухватил Тигета сзади, и пальцы толстяка дергались в паре дюймов от лица Джерина, пока Тигет не сдался и не рухнул на прежнее место.

— Сиди тихо, мудила долбаный,— прошипел тощий.— Хочешь, чтобы погонщики на нас кинулись? Хочешь закончить, как Барат?

Взгляд Джерина невольно метнулся к искореженным пустым кандалам, которые они тащили с собой на цепи. Верзила Барат, портовый сутенер по роду занятий, попал на аукцион тем же путем, что и Джерин — через суд за уголовное преступление. Сутенер, как выяснилось, пырнул ножом аристократа, который гостил в трущобах и жестоко обошелся с одной из его девушек. Означенный аристократ имел связи в Луговинах,

и он устроил так, что стражники, эти пропитые ленивые жопы, в кои-то веки взялись за дело: начали задавать вопросы и проломили пару несговорчивых голов. Кто-то заговорил, Барат угодил в тюрьму, где вместо того, чтобы покаяться, плюнул обвинителю в родовитую харю и попал на цепь. В общем, старая, всем горожанам известная песенка.

Сутенер относится к проданным за долги рабам с высокомерной неприязнью и первые три дня похода изводил их взрывами необдуманного насилия, которые обрывались внезапно, с отработанной, свойственной любому головорезу легкостью и переходили в насмешки. По какой-то причине Джерина он почти не трогал, но цепь была достаточно свободной, чтобы дотянуться по меньшей мере до четырех-пяти собратьев по несчастью. В конце концов его поведение перестало веселить погонщиков и начало раздражать, так как создавало хаос.

На третий день, после пятой или шестой стычки, пара-тройка конных надсмотрщиков и владельцев каравана поехали назад вдоль цепи, чтобы посмотреть, из-за чего сыр-бор. Среди последних была женщина, и, после того как надсмотрщики, пустив в ход пинки и ругательства, восстановили порядок, она подозвала их бригадира, наклонилась в седле, чтобы с ним поговорить, а потом отправила к товарищам с потемневшим от досады лицом. Джерин не услышал ни единого слова, но понял, что произойдет, как понимал, когда ветер на болотах вот-вот переменится.

Он предпочел не делиться знаниями с Баратом, а сутенер был, по-видимому, слишком тупым или упрямым

жителем портовых трущоб, чтобы догадаться самому. Позже, в тот же день, он затеял еще одну драку.

Погонщики взялись за него на следующий день, во время полуденной стоянки, когда всем разрешили облегчиться, и случилось это на противоположном берегу реки от Парашаля. Четверо мрачных мужиков с обветренными лицами и глазами, которые блестели как слюда, надвинулись все вместе, вооруженные длинными деревянными дубинками. Они повалили Барата и вскрыли кандалы болторезами, которые носили на поясе, точно оружие. Неотвратимость их действий вынудила сутенера фыркать и брыкаться как испуганная лошадь.

К тому моменту, конечно, было слишком поздно.

Они затащили Барата, лягающего и вопящего, в ближайшую рощу и там забили до смерти. Это было достаточно близко, чтобы остальные рабы все слышали: сильные удары по чему-то мягкому, какие раздаются, когда мясник рубит тушу; жуткие высокие вопли, очень быстро перешедшие в мольбы и булькающие стоны; и в конце концов тишина, которая была хуже всего, потому что звуки избияния продолжались. Джерин повидал немало жестокостей как на болотах, так и на улицах Трейна, но даже по его меркам это убийство длилось целую вечность.

Менее закаленные люди на цепи, в том числе жертвы издевательств Барата, склонили головы и устали в землю, где сидели. Один или двое, прижав пальцы ко рту, боролись с рвотными позывами. Джерин старательно изображал насмешливое презрение, но быстро понял, что и сам дрожит от эмоций.

«Или,— сказал он себе, чувствуя легкое головокружение,— я просто заразился от Тигета насморком, прокляни его Хойран».

Вскоре шум прекратился, из-за деревьев вышли погонщики, гогоча и скаля зубы, как сытые волки. Дубинки они несли, ухарски закинув на плечо. Один лениво крутил болторез туда-сюда, задевая высокую, по колено, траву. Режущие кромки инструмента, испачканные в крови, ярко блестели в лучах полуденного солнца.

А позже невысказанная мысль поселилась в голове каждого молчаливого пленника; она тоже «ухмылялась», словно в цепи появился новый товарищ с черепом вместо головы: на месте Барата мог оказаться любой.

— Да, кстати,— мрачно сказал Джерин, когда Тигет затих под суровым взглядом тощего.— Думаете, это единственные пустые кандалы, какие придется увидеть на цепи? Каждый день опоздания на рынок в Ихельтете — денежки, утекающие сквозь пальцы этих уекбов. По-вашему, они будут останавливаться или замедлять ход всякий раз, когда кто-то не выдержит жары на равнине?

— Они должны нас продать,— обидчиво огрызнулся Тигет.— Не в их интересах...

— Они должны продать кого-то из нас, о, знаток торговли. Достаточное количество, чтобы окупить поход. Я ведь об этом уже спрашивал: по-твоему, капитану рыболовецкого судна есть дело до пары рыбок, потерянных у причала на разгрузке?

— Сколько тебе лет, сынок? — с любопытством спросил кто-то.

Джерин осклабился во тьму, как умели только беспризорники.

— Пятнадцать. И вопреки тому, что заявил наш знаток торговли, считаю я получше, чем до пяти. Я насчитал тридцать пять верениц рабов в караване, тридцать две головы в каждой. Это тысяча сто двадцать, минус Барат, и вы видели, что с ним случилось. Думаете, кто-то стóит лишней воды или ожидания, пока они будут нянчиться с нами? Идея простая, парни: маршируй или сдохни, а отстающих приберет Хойран. Вы больше не граждане, а рабы. Если упадете, вас, быть может, пару раз пнут, чтобы посмотреть, подниметесь ли. Если нет... — Он развел руками в кандалах и пожал плечами. — От вас избавятся, бросят умирать на том же месте.

— Может, ты и прав, — медленно проговорил тощий. — Или нам просто нравится думать, что так случится с кем-то другим. Проклятье, это и впрямь может случиться с кем-то другим. Сюда-то мы все добрались.

Среди сбившихся в кучу фигур на цепи пронесся шепот согласия. Но когда он стих, тощий уставился на юг, и по лицу было видно: собственные доводы не кажутся ему убедительными.

— Никогда не бывал в пустыне, — отрешенно проговорил он. — Даже не видел ее.

Кто-то яростно чихнул.

— Я уже видел, как маршируют или умирают, — сказал другой раб, сидевший поодаль. Половину его лица покрывали жуткие шрамы от плохо заживших ожогов, настолько сильных, что даже в слабом свете виднелись сморщенные контуры рубцовой ткани, когда он двигал

головой.— На войне, во время отступления от Раджала. Малый прав, все так и происходит. Раненых оставляли там, где они падали. Вынуждали нас идти мимо, слушая, как бедолаги взывают о помощи, умоляют. Просят не оставлять их на поживу ящерам. И ведь мы в тот раз были не рабами, а гражданами, солдатами!

Тигет издал раздраженный возглас:

— Это не одно и то же — была война! Даже сравнивать нельзя с...

— Что такое, толстяк? — Тощий пленник уставился на Тигета с открытой неприязнью.— Надеешься, какая-нибудь богатая вдова из Ихельтета купит тебя, чтобы сделать писцом или дворецким, потому что ты у нас грамотей? Считаешь, что слишком хорош, чтобы вкалывать в шахте или таскать кирпичи, пока не сдохнешь?

— Не-а, он для такой работы слишком жирный,— глумливо произнес кто-то.

— Он и для вдовы слишком жирный,— раздался другой голос.— Разве что она купит его вместо подушки.

Рабы рассмеялись, негромко и зло. Тигет обиженно молчал.

— Он не будет толстым к тому времени, как мы туда доберемся,— тихо проговорил ветеран Раджала.— После марша, который нас ждет, он будет таким же обожженным солнцем, покрытым волдырями и сломленным, как остальные. Если выживет.

После его слов воцарилась тишина. Пленники смотрели друг на друга, медленно осознавая смысл сказанного. Большинство из них, несомненно, после ареста и продажи повидало достаточно примеров будничного

насилия, а некоторые, моложе и посимпатичнее — как Джерин, — стали жертвами неизбежного группового изнасилования в темнице, как женщины, которые теперь маршировали, скованные отдельными цепями. Но, в общем и целом, этим людям еще не приходилось сталкиваться с мыслью, что они умрут.

Слабый, лихорадочный холодок пробежал по спине Джерина, когда он понял, что до сих пор и сам об этом не думал. Взвешивая один за другим планы, позволяющие выбраться отсюда, он предвидел множество плохих исходов, но ни один из них не был связан с его собственной смертью. Он представлял различные жестокости, опираясь на увиденное или услышанное во время сиделок у костра. Снова и снова погружался в воспоминания об изнасиловании в камере долговой тюрьмы, понимая, что это может повториться — кто знает, сколько раз. Он даже поразмыслил, не сумеет подавить дрожь, о кастрации, которая, как говорили, была вполне вероятной для рабов-мужчин в Ихельтете.

Однако он не подумал о том, что жизнь может закончиться. В глубине души не верил, что его самого могут оторвать от цепи и бросить, что он будет беспомощно кричать вслед остальным рабам, исчезающим в блеске пустынного солнца. Он, Джерин Ловкие Пальчики, пятнадцати лет от роду, едва начавший жить, останется лежать на песке, слишком слабый, чтобы пошевелиться и хоть что-нибудь сделать, не считая тихих молитв, обращенных к Темному Двору, Хойрану или Даковачу, Квелгриш или Хорчалату, Фирфирдар — или, мать твою, к кому угодно, лишь бы услышали, — и уговоров,

люющихся из него со скоростью полного ведра на веревке, выскользнувшего из усталых пальцев в колодец, и с той же скоростью будет ускользать надежда; он станет молить о том, чтобы его спасли, а потом — чтобы просто нашли, и не важно, новые работоторговцы или бандиты; в конце концов все перейдет в мольбы о том, чтобы жажда и жара прикончили его до того, как он почувствует первые осторожные, быстрые тычки и рывки, когда кружащиеся над его дергающимся телом стервятники спускаются вниз, намереваясь выклевать глаза...

Он содрогнулся — долбаная простуда! — и окинул печальным взглядом товарищей по плену.

Тощий посмотрел на ветерана Раджала.

— Ты, шрамолицый. Доживешь до Ихельтета?

Ветеран поморщился. Из-за шрамов зрелище получилось неприятное. Джерин вспомнил о статуях с бивнями и клыками, которые видел в озаренном свечами полумраке храма Хойрана у Южных ворот Трелейна. Люди говорили, злых духов привлекает деформированная, уродливая плоть. Отец как-то сказал ему...

Ветеран пожал плечами:

— Наверное. Лучше верить, что все получится. Если не веришь, тебе крышка.

— Точно.

— Послушайте,— проговорил Джерин, отчаянно пытаясь избавиться от дрожи, вызванной внезапным страхом.— Я не говорю, что большинство из нас не выживет. Дело в другом.

Ветеран обратил к нему изуродованное лицо. С приходом ночи длинная мерцающая полоса в небе, изогнутая как скимитар, проступила отчетливо, рассекая тучи

